

ՕՆ ԿՕՆ

ՄՔԱՄ

Трое друзей попадают в меняющийся мир альтернативной истории и пытаются вернуться обратно.

Ол Кол Храм

...Мир, как мы его знали
подходит к концу,
Мир, как мы его знали,
И Бог с ним.

БГ

Пролог

Ветер нещадно сдирал с плеч плащи. В этот раз в первом ряду стояли маги, уставшие, измученные многолетней войной. Но стояли. Ибо война справедливая.

Сегодня решающий бой. Сегодня финал всей истории. Сегодня закончится все. Так обещали вожди. Враг тоже знает, что решается всё — к врагу пришло подкрепление из окрестных миров. Когда-то они наступали, теснили, но вот и их Армия отступила на самый край миров. Вокруг — Бесплодные Земли, которые то ли Боги, то ли сам Творец лишили магической энергии. Даже здесь, в

этом сотворенном их вождями мире было пусто, тоскливо. Многие из магов ощупывали мысленно пространство вокруг, и не могли вытянуть из него ни кровинки энергии.

Но с ними старшие — Атуан, молодой Полубог, поднявшийся к невысказанным для них высотам, и Илейн, древний герой далекого мира, сумевший спасти извечного, Истинного Дракона, и спасший тем самым тот мир от магической засухи. Эти великие люди смогли захватить крупицу теперь далекого мира, и протянуть за собой серебряную Нить. Простые маги не могут этого, они могут накопить много силы, могут долго ее не растрчивать, но та сила конечна. Да, можно отбиться от тварей, уйти живым от разбойников, открыть портал и переместиться подальше от поля боя. Но...

Но армию магов этой крупницей не накормишь. Огромную Армию. Атуан и Илейн смогли захватить и дотянуть Нить сюда, и вот у всех магов есть по капле с той нити, значит, можно плести заклинания, жечь врага, морозить, обращать в крыс и в прах. И, уж конечно, воздвигать защитные стены от магии.

Маги стояли, плащи норовили сорваться с плеч. Один ряд магов. Людей.

В десяти метрах позади них стояла армия странных чудовищ. Некоторые маги оглядывались

на них, смотрели с опаскою и с надеждою. Но если в начале войны это были взгляды только лишь страха, то теперь в основном надежды. Орриты, похожие на пауков, черные, с металлическим блеском. Создания ранних времен, когда еще Боги творили совсем не по образу и не по подобию. Творили от радости, вдыхая души и жизнь в странные формы.

Орриты оказались на редкость дружелюбными. Среди людской части армии уже разнеслись легенды. Они то и могли объяснить, отчего так. Забытые, изгнанные из многих миров твари влачили жалкое существование в жестоких местах. Потому их жизнь была сурова, и за века и зоны они обросли прочным панцирем, их конечности могли становиться как копыта, им не было равных в рукопашном сражении. В том мире, когда-то их нашел Илейн. Он пришел к ним, и за внешней суровостью обнаружил чуткий, почти человеческий разум. Он сделал Орритов известными в цивилизованных мирах, тех приглашали на службу, в охрану, исправно платили, и ужас их жизни на Родине отступил, Орриты протянули порталы на свою родину, и облегченно вздохнули.

Так что не было у людей лучших союзников. У *справедливых* людей, что стоят за равенство. И теперь, когда маги отразят первый удар вражеского

колдовства и истратят свои силы в защите от ответной волшбы, они отхлынут назад и Орриты устремятся вперед, рвать и крушить, вгрызаясь в глубь вражьих рядов.

На флангах стояло обычное людское войско. Мечники, закованные в латы, лучники в прочных мехах, ещё маги.

Ровным фронтом, растянутые на сотни шагов, стояли войска. Позади был лагерь с военачальниками. Скудные обозы, и прочие спутники войска. Стяг Атуана, Штандарты с Драконом Илейна — в центре, а вокруг и пониже — флаги войск, пришедших из разных миров и народов. Отборные тысячи были рядом, на случай если враги или прорвутся сюда, или какой-либо подлостью окажутся рядом.

Исчез непроницаемый даже для взгляда магический купол, укутавший совещающихся начальников. Небольшая группа людей и Орритов — генералы, военачальники — показали войскам. Грянуло дружное разношерстое приветствие. Скоро дело. Скоро некогда будет рассматривать чудо вновь сотворенного мира. Пусть скромного, но их лидеры ведь не Боги. Плоская равнина, странного фиолетового цвета, вся в расщелинах, подъёмах и уступах — как слюда,¹ с метровыми пластинками.

¹ Слюда — блестящий материал черного цвета, состоящий

Всюду свет, не яркий, вечерний, рассеянный, выделяющий из мрака плоскую поверхность не то что бы мира, а поля сраженья.

Группа позади войска рассеялась, на этот раз на силе не сэкономили, и в один миг военачальники оказались рядом со своими армиями. Перед полем сражения появились двое, тех, кого в войсках знали как Атуан и Илейн. Они смотрели вперед, в туман, скрывающий вражескую армию.

Тот, что моложе, Атуан, спросил старшего:

— Друг мой, ты что-то *видишь* ?

— Шанс на победу, — сказал Илейн.

Атуан улыбнулся.

— Ты как-то слишком спокоен, — Атуан продолжая улыбаться, погладил эфес своего Рейтрана.² — Ты, как мудрый, прославленный полководец знаешь, что численное превосходство наших врагов таково, — и Атуан ткнул пальцем в сторону тумана, — что они, несомненно, сотрут нас в порошок?

— Очень на то надеюсь, — ответил Илейн искренне.

из спрессованных пластинок.

² Рейтран — легендарный меч артефакт добытый Атуаном в одном из миров.

Илейн был человеком незаурядным во всех отношениях: образованный, остроумный, смелый до безрассудства, мастерски владевший мечом и магией. Сейчас он стоял перед самой большой армией всех миров — и эта армия была вражеская. Несмотря на это он выглядел очень спокойно, и только огонь в глазах выдавал его истинное настроение.

Двое смотрели в туман. Вроде там ничего особенного не происходило, как вдруг Илейн вскинул руку, и за их спинами шум исчез, войска замерли. Слышны были только отдельные команды.

А через миг стало совсем тихо. Туман напротив них скрывал не только вид, но и звуки. Минуты две ничего не происходило, но вот, поначалу лениво, затем резче, клочьями, туман стал растекаться вперед, начиная терять густоту, испаряясь.

— Наконец-то! Думаешь, они ничего не заподозрят? — осведомился Атуан.

— Уверен. Они как гиены, осторожные и трусливые. Они не когда не пойдут в честный бой. Однако стоит им почуять, что зверь ослаб, а так же что численное превосходство на их стороне, и ты увидишь, как они одним прыжком вцепятся тебе в горло. Будь покоен, всё пройдет точно по сценарию, Шестеро клюнут... Только не сдавайся слишком быстро.

Атуан всматривался в несущуюся на них армаду.

— Демонов пустили вперёд. Ну почему они любят творить так чудно, почему у них мало людей?

— Да им они не нужны. Подобное тело, — Илейн ткнул себе в грудь, — слишком озабочено жизнью, слишком трусливо. Ну, как ты его заставишь распалиться, что б нестись на верную смерть. Другое дело такое, — он кивнул в сторону демонов, — эти так любят кровь... Как вампиры. Тех тоже не остановить. Вампиры в жажде могут отдать свою жизнь. Точно?

Атуан не смотрел на него, а потому не заметил ухмылки, впрочем, дружеской.

— Ну, не всегда, Илейн, не всегда. Жажду можно преодолеть.

Илейн посмотрел на Атуана, засмеялся, сказал:

— Тот случай не в счет... К тому же у тебя были некоторые преимущества, да и ты не простой уже человек был. Даже тогда.³

Атуан улыбнулся. Враги приближались. Туман почти рассеялся по всему фронту, уже

³ Они вспоминают события, описанные в повести «Солнце сверху».

слышен был топот ног, копыт, щупалец, взмахи крыльев. Но все перекрывал дикий рев орды, что неслась на их войско.

— Ну, давай, друг, по местам.

— По местам.

— Пора.

— Пора!

* * *

Илейн вернулся к месту, где недавно был шатер военачальников. Ему пока было нечего делать по плану, и он решил наблюдать за ходом сражения, отдавать команды, помогать своей магией, где только можно, стараясь уберечь больше жизней. Они разыгрывали гамбит, это сражение будет проиграно. И этот проигрыш и станет триумфом, победой в войне. Если все пойдет так, как надо. На его друге лежит основная задача.

Молодой вождь, которого знали здесь как Атуан, подошел к первому ряду, к магам. Рев и топот атакующих нарастал, разношерстные демоны подбирались все ближе. Он использовал первое заклятье в этом сражении. Просто узнал этих тварей получше. Он повернулся к войску отдать распоряжение. Крикнул:

— Холодом и Порядком их. Сердце у них повыше, почти что у шеи.

Он мог бы не поворачиваться и не кричать, он мог бы только пожелать и подумать об этом, и все маги знали б что делать. Но привычка, проще крикнуть, и снова смотреть вперед, думать, отыскивать брешь что бы дальше тянуть, тянуть до тех пор, пока не станет очевидно что сражение проиграно, и пока его собственное проявление силы будет логичным, отчаянным шагом. Он поднял руку, задержал ее ненадолго и взмахнул с криком:

— Сейчас!

Маги, как один подняли руки к груди, задержали на долю секунды и с силой рванули вперед. Короткий миг все было как прежде, только вид несущегося врага вроде как колыхнулся. Но вот блеснуло в рядах врага голубым, холод взорвался стеклянными иглами, и первые ряды демонов разнесло в клочья. Волна холода фронтом вгрызалась в глубь врагов, медленно останавливаясь, наконец, сдалась сопротивлению демонской плоти. Десятки первых рядов разнесло, покорежило и разорвало. Уцелевшие, не обращая внимания на павших, сломя голову продолжали нестись вперед, к вожделенной добыче. Они были все ближе, и, многим казалось, они чувствуют вонь их тел.

— Перестроиться, — крикнул Атуан.

Маги слаженно выполнили его команду. Каждый пятый остался на месте, остальные по

четверо становились за их спинами. Открылись широкие проходы, и в атаку пошли Орриты. Они набирали разбег, и вот десяток, сотня, тысяча пронеслась рядом с магами, вступая в бой. Маги ждали момента отступить, отдохнуть в тылу от могучего заклятья, что б через десять минут снова сплести что-то страшное, против целого вражьего войска.

Началась рукопашная. Атуан смотрел на бойню. Первые Орриты прорубали растревоженные магами ряды демонов, вгрызаясь небольшими группами по трое — четверо. Бегущие за ними набрасывались на уцелевших от первой волны, разрывали одним движением на куски, почти не останавливаясь. Но не долго — вот один демон уцепился за Оррита, и удержался, не упал, вонзил тонкий кинжал в щель на спине, в слабое место. Как блохи, демоны запрыгивали на рукопашную силу войска Атуана, и Орриты вынуждены были тормозить, стряхивать, перекатываться, сбрасывая и давя мелких для них демонов. Помогали друг другу — но не всегда успевали, умирали. Умирали молча, тихо, в сознании, в долгой агонии успевая ухватить за собой одного, двух, нет, лучше десятков врагов.

Вот и увязли, не добравшись и до середины. Орриты поменяли тактику, принялись за оборону. Сбились в плотную линию, строя живую стену. Нижние плотно упирались шестью конечностями,

выставляя передние как копья. Другие прыгали на них сверху, закреплялись. А на тех забирались другие. В обороне Орриты почти непобедимы, и Атуан окинул *взором* все поле битвы.

Маги уже отдыхали под охраной панцирников отборного войска. Фланги стояли, в бой не вступили. Летучие ящеры врага, уродливая пародия на Драконов, начали двигаться. Они низко летели, на каждом было по паре маленьких, похожих на гоблинов карликов с копьцами в руках. Их встретят лучники. Атуан отвернулся. Попытался *взором* достать дальние, все еще скрытые туманом части врага. Безуспешно. Что же за тварей приволокли себе в подкрепление предводители врага — Верховные Маги, Шестеро? Атуан плохо знал окрестные миры, рядом были земли врага. Но что-то точно противное.

Тем временем враг делал то, что и должен был делать. Часть демонов, почти половина, спутала собою Орритов, выводя их из борьбы, удерживая их и дальше в обороне. Другая половина уцелевших стала обтекать широкий фронт пауков, стремясь обойти и ударить в тыл. Это было очень опасно.

«Ну что, пора или нет, — мысленно обратился к Илейну а сам подумал, — Если сейчас вступлю, будет слишком быстро, слишком явно, они догадаются.»

Видимо Илейн понял, о чем думал Атуан. Он мысленно сказал ему — «Подожди, латай фланги».

Как и задумано, Атуан отдал приказ. Маги, обозы, резервы стали подтягиваться к пустым задним рядам орритов.

На флангах подобрались летучие гады с наездниками, плотно хлынули демоны. В бой вступили люди. Лучники сшибали поначалу гоблинов, но Атуан отдал приказ целить в ящеров — наездники не так опасны, и не стоило думать, что летучие твари отупеют без управления. Нет, у них был свой собственный разум.

Вот люди и твари столкнулись, мечи стали грызть шкуру ящеров, пока те кусали, крушили, царапали когтями. Но люди держались, задние сменяли передние ряды, те отдыхали и ждали своей очереди. Дрались.

Пока шло все ровно, две армии столкнулись, никто не мог разорвать оборону противника, стояли почти что на месте. Вскоре все было завалено трупами, что мешали сражающимся.

План Атуана и Илейна осуществлялся. За шумом сражения молодой вождь забыл, что вот он, настал момент кульминации. То, что они обсуждали несколько лет назад, чертили на пергаментях и бумаге, двигали фигурами — наступило. Победа была очень, очень близка. *Шестеро* должны будут поверить, не могут не поверить, что они двое

поддались гневу. А значит слабы. А значит можно не убегать, как всю эту войну, за новым войском, а поддаться соблазну, и не просто рассеять войска их двоих, а ударить по НИМ. Уничтожить! Разорвать сам дух на куски, и беспамятные ошметки отправить в забвение на самый дальний край миров. Гнить там. Что б не видеть хоть одно одинешенькое малюсенькое тысячелетие.

«Если все получится у нас, — думал Атуан, — ваши Боги вам не помогут. Они не вмешаются, зачем им проигравшие. Не зря вы сами казните отряды, что отступили в бою или потерпели поражение. Вы беспощадны к тем, кто внизу вас, но ваши высшие, ваши Боги и сами вам не помогут. Три года назад вы почти проиграли, и тогда вас заставили *всех* до единого выступить лично. Какая удача!»

«Потом, потом будешь радоваться, — раздался в голове у Атуана голос Илейна. — Спокойней, будь трезвым, еще много работы. Мы тобою рискуем. Ты хоть помнишь это?»

«Да, Илейн. Все в порядке».

«Тогда действуй».

Понемногу, в нужный момент, фланги людского войска загнулись назад, отступили, образовали сначала полукольцо, которое затянулось магами, и резервом. Обозы, раненые и все, кто требовал защиты, оказались внутри. Здесь же

созвал всех начальников Илейн. Хотя не созвал, просто выдернул порталами прямо к себе из гущи. Грохот сраженья стал затихать, враг видимо понял, что с ходу армию не уничтожить, пора было брать в осаду «крепость» из живых людей и орритов.

* * *

Войско врага медленно расступалось. Напротив орритов оказалось пустое пространство. Дальше за ним что-то приближалось, все еще скрытое остатками тумана. Но Атуан и Илейн проникли внутрь тумана *взорами*. То, что там было, поразило обоих. Огромные серые туши на четырех ногах, с пять человеческих ростов. Четыре толстых ноги, каждая в несколько метров диаметром. Все стало ясно. Идут на орритов. Давить.

Слегка смутившись, Атуан испытал радость. Эта неожиданность несла для их армии огромную угрозу, а значит, давала возможность реализации плана. Он взглянул на Илейна. Тот отрицательно покачал головой.

— Лучше думай, как справиться с этим. Думай до последнего, сражайся до конца. И только когда не будет другого выхода...

«Что же делать, что с ними делать, — думал Атуан, — можно убежать от них, но тогда в

пролом, образованный орритам хлынет демоны и прочая дрянь».

— Я посмотрел их, — сказал Илейн, — слабого у них мало, но по шерсти орриты смогут взобраться к глазам. Они смогут проколоть до мозгов. В других местах они не пробьют шкуру...

В тот же миг Илейн отправился порталом к орритам. Вернулся через минуту. В это время десятка орритов рванула вперед, к серым тушам. Сразу наперерез помчались бесы. Несколько орритов не добежали, сцепились с демонами, но сразу двое домчались до первой туши и стали взбираться вверх. Со спины громадины было полетели болты, но не видя результата, прекратили пустую стрельбу. И все же один оррит упал, то ли соскользнул с довольно гладкой шкуры, то ли был сбит силой удара болта. Второй добрался до длинной, выступающей вперед шеи. Туша вдруг как-то необычно резко дернула головой, паук слетел.

Илейн дал приказ отступать, пауки рванули обратно. Почти все вернулись, но двое остались лежать. Туши медленно приближались — вот сорок метров, тридцать... двадцать.

Атуан позвал магов. Илейн закивал головой, поняв его мысль.

Туши напротив — огромные, но простые животные. А значит, чего-то боятся, у каждого есть

свой враг. Атуан как раз смог дознаться магией, что это за враг. Он на мгновение использовал Нить, вливая в себя новую порцию магии. Конечно, враг тут же заметил и попытался отследить его нить, но за доли секунд это невозможно, и Атуан закрылся. Энергию он использовал, чтобы проникнуть в убогое сознание туш. Там отыскивал образ врага. И уж потом вызвал сотню магов и передал образ им.

Туши жили в унылом мире, почти полностью затопленном водой после какой-то катастрофы. Там, из океана, выползали твари еще больше, для которых эти служили простой пищей. Чудно, всего лишь вечные жертвы одного мира стали огромной угрозой в другом. Маги взобрались на спину орритам. Теперь уже стена пауков расступилась, пропуская своих собратьев с людьми на спине. Когда маги оказались перед войском, Атуан за мгновение влил в них силу.

Поначалу все было обычным. Магов пытались сшибить издалека, демоны рванулись вперед. Но вот, перекрывая шум от двух войск, раздался рев серых громадин... Маги наслали иллюзию...

Туши показали неожиданную прыть. Им хватило нескольких секунд, что бы развернуться и рвануть прочь от иллюзорной угрозы. Десятки демонов лопали зеленой слизью под их ступнями. Некоторые туши сталкивались друг с другом, валились с гулким шумом оземь, внося сумятицу в

ряды своего войска. И вот уже Шестерым пришлось на миг приоткрыться. Мелькнули их Нити, из далекой вселенной притекла сила. Они стали спешно успокаивать свое стадо. Успокоили, развернули, погнали опять на орритов. Атуан снова вдохнул силу в своих магов ... Через несколько минут враги отвели своё стадо, ничья. Ряд орритов снова плотно сомкнулся. Две армии опять просто стояли.

Вскоре произошло то, что и ожидалось. Шестерым надоело возиться с тактикой, они просто отдали приказ атаковать. Начался обычный навал. Решили задавить числом.

— А вот теперь готовься, — сказал Атуану Илейн.

Поначалу навал не прошел. Орриты довольно легко справлялись с демонами — серые туши враги отвели в тыл. На флангах против наездников на летучих ящерах держали оборону люди. Лучники непрерывно навесом пускали стрелы. Ящеры оказались весьма трусливыми тварями, часто порывались бежать. Но маленькие люди на их спинах как-то могли успокоить ящеров. Горы трупов росли, враги взбирались по ним, стремясь пустить стрелу, после чего бросались в бой, и умирали. Но новые лезли. Переменили тактику, стали закидывать каким то пылающим зельем, металл доспехов плавился. Откуда-то появились

вражеские маги, простые воины не могли с ними справляться легко, мешали завалы. Они образовали пустое пространство в рядах людей, и туда хлынули демоны. Вскоре враг полностью окружил армию Атуана, но сзади держалось отборное войско. Илейн носился по всему полю боя, отдавая приказы.

Но вот с правого фланга внутрь прорвались первые враги, десятками гибли защитники, и Атуану пришлось зачерпнуть магию из далекого мира и пустить на врага огонь. Шестеро попытались достать его серебряную Нить, но в этот раз Атуан вовремя перестал её использовать и скрыл. Залатали дыру.

Вот ценою огромного числа демонов удалось уничтожить сотни орритов, и когда центр обороны стал расползаться, враг снова пустил огромные туши вперед. Пришлось подводить магов, те шли, невзирая на опасность, гибели если не от когтей, то от крайнего истощения. Атуан снова зачерпнул магической силы далекого мира и передал ее магам.

Минут через десять стало окончательно ясно, что до победы врагам осталось немного. Что бы как-то удержаться, Атуану и Илейну все чаще и чаще приходилось тянуться за магией.

Первыми прорвали орритов. Но к этому времени все окруженное войско стянулось в одну кучу. Первые демоны добежали до Атуана, и он

вначале их встретил сталью, замелькал его меч, он рванулся вперед, убивая, калеча. Бойцы из отборной тысячи рванулись за ним, расширяя клин, но и сами оказались в окружении.

«Сейчас» — донеслось от Илейна.

От рукопашной Атуан распалился, почувствовал гнев. Самое время активировать Нить.

Сражались. Вдруг около одного демона появился светящийся розовым призраком. Демон прыгнул на него, но пролетел сквозь тело. Удивленным он был недолго, призраком махнул своим красноватым мечом, и демон оказался разрубленным. Через секунду в другом месте Атуан создал ещё призрака, а затем все чаще и чаще стали появляться то там, то тут светящиеся розовым фигуры. Вскоре их были сотни по всему полю, их число все росло и росло. Атуан полностью открыл свою линию к далекому миру. И враг это заметил.

Он почувствовал, как будто его нить схватили. Он попытался выдернуть. Ему почти удалось, но вот еще кто-то схватил, и еще, и еще. Постепенно он и сам обнаружил Нити врагов, точно такие же, как и его, заклятьем они пользовались одним и тем же. Хорошо Боги врагов учат своих. Но обороняться было намного проще, и Атуан постоянно дергал свою нить, менял ее положение.

Все Шестеро уцепились, и яростно рвали, пытаясь оторвать связь с магией одного из врагов.

Война армий закончилась. Конечно, все еще сражались противники, розовые призраки все еще опустошали ряды врагов. Вот первый демон не погиб, когда меч прошел сквозь него, вот второй... Призраки, теряя подпитку, слабели и растворялись. Люди яростно оборонялись, враги лезли и лезли. Армии все еще сражались, но их бой был больше не нужен. Они свое дело уже сделали.

Илейн оказался возле Атуана. Он пытался помочь ему удержать нить, и Шестерым казалось, что в этом и есть его цель. Просто один маг пытается помочь другому стряхнуть со своей линии пути врагов. И это требовало силы, и все чаще и чаще перед их *взорами* мелькала линия их второго противника. Атуан и Илейн живо чувствовали злобную радость врага, еще чуть, и они уцепятся, вгрызутся во второго, порвут их нить к Силе, и тогда эти ненавистные двое превратятся просто в людей, слабых, бессильных. И тогда мы их сломим.

Илейн чувствовал как «лапы» врагов тянутся к его Нити. Давление на Атуана должно ослабнуть. Но нет, Атуана они держали цепко. Ну что ж, думал Илейн, — вот вам финал.

Он проявил свою нить полностью, неожиданно, зачерпнул массу силы, вкачивая ее в Атуана. Враг метнулся к Илейну, удерживая и

дальше Атуана. И через мгновение вцепились уже в обе Нити, тянули. Перед взором Илейна снова мелькали их злобные рыла. Их шесть Нитей ярко светились, все проявленные. На мгновение Атуану с Илейном показалось невероятное. Им показалось, что они вдвоем смогут выстоять против них шестерых. Но, хотя они и были опытней, но энергии те сосали по Нитям в три раза больше. И это решало все.

За мгновение произошел мысленный диалог Атуана с Илейном. И в тот же миг они сами порвали свои нити и бросили с силой во врага. Мощь, с которой Шестеро тянули сложилась с силой Атуана и Илейна. И нанесла удар. Перед их взором вспыхнуло серебром, их нити взорвались, переполненные мощью.

«Победа, подумал Илейн.»

Шестеро, как и Атуан, были без сознания.

Теперь не было смысла скрывать свой козырь. Илейн проявил еще одну тонкую Нить, совсем другой структуры, слабую, выполненную каким — то древним, устаревшим способом. Её и не искали. Слишком слаба. Он потянул к себе силу, стал приводить в себя Атуана.

Он только и успел подумать — досталось же ему — как заметил *взором* заклятье.

«О Боги, как я не подумал, что они могли сделать запас».

Ему хватило мгновенья, что бы увидеть, что резервуар магической энергии был один, и что всю его силу только что, в припадке бешенства, использовал кто-то из Шестерых, ударив по последней Нити. Мол, мы не уйдем, но и ты не уйдешь.

И в тот же миг, чуть опережая несущееся заклятье врага, Илейн решился, схватил еще не очнувшегося Атуана, и прыгнул прочь с поля боя, пытаясь вернуться в свои миры. Но заклятье настигло, нить оборвалась.

* * *

Весь бой между двумя и Шестерыми длилось не более двадцати секунд, хотя им самим он показался долгим. Илейн, оправившись после шока от разорванной нити, огляделся. Он падал. Подал на землю, он вдохнул и его грудь обожгло — холод, разреженность воздуха. «Где же Атуан?», — думал он, «Куда мы попали».

Он попытался нащупать Атуана, но ничего у него не вышло.

Мир без магии. Илейн понял, что они не добрались в нормальный мир. Пущенное с немыслимой силой и злобой заклятье врага снесло их в сторону, или просто остановило на полпути

домой. Свалило в первый попавшийся мир. Мир без магии.

Илейн падал. Где-то минута оставалась до смерти. Он не боялся, его волновало другое, где Атуан? Если остался в мире, созданном ими для последнего боя — его не спасти. Если затерялся где-то в пути — шанс есть. И вновь он попытался найти Атуана, теперь уже черпая силы из самого себя. Его товарищ был здесь, в этом же мире.

Илейн вспомнил Шестерых.

«Ну что ж, победа. Они закупорены без силы в том мире, никаких нитей и запасов у них не осталось, — Илейн был в этом уверен. — Так что шансов выбраться у шестерых нет. Сами не выберутся. Если только... Но нет... Жаль войска, осталось на растерзание врагу. Но ничего, если быстро вернемся, спасем».

Илейн смотрел вниз и вспоминал.

Давным-давно, тысячелетия назад, он стоял под родным солнцем и впитывал возрожденную силу вселенной. И кто-то из Высших, его будущий учитель, подошел и сказал?

— Ты думаешь магия здесь? — он показал рукою вокруг. — Нет, сила здесь, — и Бог коснулся рукой его лба, помолчал, а потом добавил, — сила Творения. Я мыслю, значит я — Бог!»

Теперь Илейн падал и думал: «Надеюсь, я усвоил тот старый урок. Так что выберемся... выберемся...».

Он падал, скоро смерть, но он не боялся.

Конец Введения

Глава 1

Андрей считал, возможно справедливо, улицу Первомайскую центральной в Долгопрудном. Начиналась она где-то за городом, затем разделяла студгородок на общаги и учебные корпуса, далее вгрызалась в места, полные обычных жителей. Улица оставляла слева от себя столовую, далее справа овощной магазин, затем снова слева простой, продовольственный и в конце упиралась в больницу. Возможно город был и дальше, но Андрей туда не ходил. Даже к таксистам, за водкой. Находились более страждущие. Начинался весенний денек, солнце прогрело воздух, все сняли куртки. Мелькали голые ножки в белых чулках — физтешки спешили куда-то. Андрей только-только выбрался из общаги и шел, не зная куда. Было начало двенадцатого, на второй паре кажется лекция по истории. Но Физтех тем и славился, что ходить на занятие было совсем не обязательно. Лишь бы зачеты и экзамены исправно сдавал. Он чувствовал себя очень счастливым. Повода к этому

не было, но когда тебе двадцать, ты здоров, полон сил — такое, слава Богу, бывает. Он шел не спеша, прежде всего разглядывая женские ножки, по которым соскучился за зиму. Потом он рассматривал ветки деревьев — не проклюнулись ли зелень из почек. А в последнюю очередь он смотрел через дорогу, на один из учебных корпусов. Наконец он решился и свернул к столовой. Есть не хотелось, разве что компоту с песочным пироженым. Да и то не особо. Потому возле двери он решил задержаться. Фасад столовой — стены, двери — студенты использовали для объявлений. Называли, почему-то украинским словом Объява, даже апостроф вместо твердого знака ставили. Так что Андрею нашлось на что убить время. Он стал разглядывать бумаги на стенах. Купля-продажа его не занимала. Слегка интересно что в видеотеке во втором корпусе, но увидев что-то с Брюсом Ли он перекривился. Бегло смотрел далее — кто-то продавал собаку, кто-то писал рефераты за деньги, где-то был слет спелеологов. Все как всегда. И Андрей отвернулся. Прямо перед собою он увидел весьма странного мужчину. На вид лет за сорок. Андрею он показался загорелым, хотя какой загар после зимы. На мужчине был грязно-желтый костюм, такого же цвета виднелась рубашка и обувь. На голову мужчина надел шляпу. Андрей подумал что шляпа

ковбойская. Последним он разглядел лицо мужчины. Глаза у него были карие. Андрей поспешно отвел взор — оказалось мужчина глядит прямо на него. Было странно — какой-то мужик стоит на ступенях в неудобной позе и смотрит прямо на него. Андрей уже стал отворачиваться, что бы войти и столовую, как незнакомец окликнул его: — Можно вас на минутку? Андрей подошел. — Конечно. — Не скажете который час? — спросил мужчина, не отрывая взгляда и не моргая. Андрей отвел взгляд, почему-то смутившись. — У меня нет часов, — ответил он, — но когда я выходил из общаги, минут пятнадцать назад, было ровно одиннадцать. — И добавил: — утра. Незнакомый мужчина никак не среагировал на последнее слово, которое сам Андрей посчитал нелепостью. Он секунд пять по-прежнему играл в гляделки. И лишь после того, как Андрей вознамерился вновь пойти к двери столовой, спросил: — А вы в каком общежитие живете? Андрей махнул в сторону девятиэтажной «восьмерки»: — В той. — Понял, — сказал мужчина и несколько раз кивнул головой. Андрей чувствовал неловкость, но только еще пару секунд, затем слегка разозлился и тут же неловкость ушла. Он даже спросил: — А вам что надо? — Как тебя зовут? — Андрей. А что такое? Мужчина продолжал смотреть на него, но его взгляд изменился. Мужчина рассматривал его

внешность. — Андрей, тебе не кажется, что мы знакомы? — спросил мужчина. — Нет, — через пару секунд ответил Андрей. — Я б вас запомнил. В тот же миг он снова испытал смущенье — все же мужчина был слишком нелепо одет, и уж конечно знал об этом. «Я б вас запомнил» можно понять как поддѣвку. Андрей мгновенье гадал — заметил мужчина оплошность или нет. Мужчина протянул руку: — Меня зовут Хуан. Только теперь Андрей отметил кое-что пропущенное ранее. Акцент. Мужчина говорил по-русски бегло, но с незнакомым Андрею акцентом. Не хохол, не с Кавказа. Вроде бы не прибалт. Вероятнее всего иностранец. Но не американец. И не француз. И даже не немец. — Как вас, простите, зовут? — Хуан. Наступило молчание. Секунд через десять Андрей сказал: — Я пошел. Незнакомый мужчина также ответил только через еще десять секунд: — Конечно.

* * *

Необычное происшествие недолго было в мыслях Андрея. Он поднялся по лестнице и оказался в большом зале столовой. Весьма, надо сказать, мерзкий зал. Везде было довольно грязно, на нескольких столах стояла посуда, другие были протерты серыми тряпками, которые скорее не

чистили, а размазывали остатки еды. Андрей прошел на раздачу. В пространстве, где готовили еду, как всегда в грязно-белом халате сновал и ругался местный работник. Как всегда он производил много шума и зыркал зло на редких студентов. Задирать его не хотелось, Андрей просто взял сметану, два компота и два песочных пироженных. Расплатился и прошелся по залу в поисках чистого места. С удивленьем, такое нашел. Не успел он доковырять сметану, как в столовую вошел странный мужчина. Хуан, как он назвался. Мужчина рассмотрел все помещение, задержался взглядом на Андрее. Слава Богу, следом вошел Саша, товарищ Андрея. Саша был полный, вечно одетый во что-то лоснящееся, жирные волосы. Саша хотел быть ему другом, но уж больно навязчиво, и он, как и другие, считали его только товарищем. Хотя и хорошим. Андрей был счастлив, что Саша направился прямо к нему, — теперь, возможно, нелепый Хуан не подойдет. Саша явно был чем-то взволнован. Он сел напротив Андрея, нагнулся к нему и сделал глаза круглыми. — Ну, так что, ты пойдешь сегодня на дискач? — Еще не решил. — Андрей понимал, что Саша что-то задумал, какое-то переселение душ в общежитии на вечер и на ночь, на случай, если вдруг что-то получится с «бабами»: — А что? — Я говорил с Серегой, но у него началась запарка в учебе, ему

еще экзамен перездать. — Ну и что, — сказал Андрей, — мне тоже «теорвер» перездать. — Короче, я попросил его у вас переночевать, а мы с тобой можем баб снять на дискотеке. Андрей скривился. Саша, как всегда, ни с кем не посоветовавшись, что-то замутил, но и послать его подальше жалко, больно наивный и в энтузиазме. — Так что там с дискотекой. — Ну: в восемь, как всегда. Первое апреля завтра, бабы будут, только нам надо пораньше туда идти, пока всех не разберут. — Знаешь, Саша, ты иди, а я подойду сам. Меня не ищи. Если не приду, я найду, где переночевать, так что не парься. Разговор вроде закончен, Андрей обратил внимание на компот и пироженное. Все что осталось от еды, которую он съел, пока говорили. Разговор действительно был закончен. Это видно и по Саше, — он тоже уставился на пироженное и попросил: — Дай половину Андрей отломал половину. Протянул Саше и сказал: — Компота не дам. — Мне и не надо.

* * *

Весь день Андрей провел совершенно бесполезно. Просидел полупару на лекции Капицы. Как наскучило, пошел снова в столовую, теперь уже другую. Под названием «Рабочая». Там обычно

вкуснее, но сегодня не тот день. В-общем где-то к двум часам Андрей добрал до общаги уже не такой счастливый, как был утром. Вскоре он уснул.

Ему снова снился чудный сон. В подобных снах он часто бывал разными людьми, с разной внешностью и разной бытностью. Он чувствовал, что проживал части чужих жизней, не своих. В этот раз он был полководцем, несся на черном коне по степи. Сзади слышался топот копыт. Он обернулся. С ним неслоь около полусотни его товарищей. Андрей откуда-то знал, что они отправились в разведку боем.

Они неслись по степи и им повезло. Впереди был лес, из лесу вытекала небольшая речушка. Грязная вода подсказала — кто-то купал лошадей. Он первым рванулся вдоль берега, услышал свист, шум.

Он выскочил на окруженную лесом и речушкой поляну. Около десятка врагов спешно вскакивали в седла и скрывались в лесу. Но один из врагов не торопился. Это была Она.

Андрей часто видел её во сне, он знал, что Она была враг, и ему было жаль. Во сне все его существо протестовало против этого, сон усиливал какие-то светлые и прекрасные чувства к ней, Андрей не мог понять как при такой любви они стали врагами. Почему-то он знал: девушка равнодушна к нему.

Вслед за ним на поляну по берегу примчался его отряд.

Андрей поднял руку. Всадники остановились, заметили девушку и неспеша уехали обратно в степь.

Андрей спешил. Пошел к ней. Он посмотрел ей в глаза и увидел печаль. И настороженность. Она стояла в неудобной позе. Она готова была вскочить в седло и умчаться вслед за своими, но замерла.

Андрей знал, что он правильно сделал, что отправил отряд. Девушка была такой же сильный маг, как и он. То, что ему снился не простой человек, Андрей знал. Каждый раз просыпаясь, пока не рассеялся туман сна, Андрей наслаждался этим необычным чувством величия, мощи, могущества, которые бывали у героев его снов. Но это быстро рассеивалось, и Андрей как обычно после таких снов брел куда-то, или поскорей шел в гости к кому-то, забыться, отвлечься, в веселой тусовке, сбросить грусть. Но во сне все было здорово — чувство величия, ощущение собственной силы.

Девушка держась за повод лошади. Если бы отряд нарвался здесь на неё даже одну — никто не ушел бы. Такая как она могла бы положить даже армию. Магией. Да и просто мечем ее было не просто взять. Андрей знал, что она упражнялась в боевом искусстве не одну сотню лет.

Когда между ними оставалось несколько шагов, Андрей остановился. Он почувствовал магию — девушка говтовила какое-то заклятье. Он не боялся, она не атакует его, она приготовилась на всякий случай, по привычке, при виде врага.

Врага... Андрею стало печально, во сне хотелось плакать. Почему? Отчего они враги? Он не знал.

Девушка что-то сказала ему. Он не слышал. Во сне, когда они говорили, он никогда не слышал её слов, не знал о чем идет речь. Потом, днем, он считал, что эта странная глухота как-то связана с тем, что он во сне проживал чью-то жизнь, а не свою. Он что-то отвечал ей, иногда она улыбалась, иногда грустила. Иногда её глазки становились озорными, беззаботными, немного игривыми, и в его груди появлялась боль, тяга к ней. Ему хотелось на все наплевать, на свой долг, на свое дело, на своих друзей и уйти с ней. Он не мог. И тогда её взгляд наполнялся презрением, и он сам испытывал тоже к себе.

Их беседу прервал её отряд. Заметив, что она отстала, они вернулись, с криками выскочили на поляну и рванули к нему. Их он слышал. Всадники были близко, когда девушка, как и он пару минут назад, властно подняла руку. Всадники остановились. С какой-то злостью возлюбленная Андрея вскочила в седло, и через миг, вместе с

отрядом скрылась в лесу. Андрей сел на землю, взялся за голову. Ему было очень плохо, грудь разрывало от боли, он плакал. Его конь, его любимый конь подошел к нему, и положил свою голову на его плечо. Стало легче. Он еще посидел так, потом успокоился, и пошел назад в степь, к своим.

Что-то во сне поменялось, Андрей видел какой-то замок, висящий в пустоте и четыре дороги к нему, обрывающиеся в сотни шагов. Затем сон снова смешался, он смутно угадывал образы драконов, каких-то существ похожих на ангелов. Мелькнуло лицо незнакомых людей. Он проснулся.

В комнату вошел его сосед Вася. По привычке громко заговорил, в своем стиле.

— Вставай, дурак, мозги проспичь.

— Сколько времени, — но Вася молчал, и Андрей, раздирая глаза, наконец сфокусировался.

— Начало седьмого, что, пара разве закончилась?

— Сегодня «Лабы» по физике. Интересно, как ты собираешься отмазываться? Ты пропустил половину. Опять за три дня будешь все делать?

— А зачем делать. Я посижу там, поковыряю приборчики, а потом спишу все из твоей тетрадки.

— Я тебе говорил, что не дам!

— Вася, хватит воспитывать... Лучше сходи сегодня на дискотеку, телокними.

— Пошел в жопу со своими телками.

— Моя любимая сказка...

Вася снова куда-то ушел. Сон не выветрился пока, и Андрей лежал под одеялом. Грудь болела, но ему эта боль была чем-то приятна. Что-то правильное было в ней, что-то сильнее всего, сильнее магии, сильнее ответственности, сильнее дружбы. Сильнее жажды жить. Он был готов умереть от этой боли, ему хотелось, что б она так и осталась, что-то сделала с ним, какую-то смертельную болезнь.

В то же самое время Андрей не собирался умирать из-за каких-то снов. Другая его часть, земная, обычная, отвечала на это — умереть всегда успеешь. Сейчас пора готовиться к дискотеке — помыться, стрельнуть у кого-то одеколону и все такое прочее. Интересно, Саша купил вина для девушек? Обычно он запасливый для таких случаев, покупал в ларьке на Савеловском вокзале, грузинское вино, любимую ими «Алазанскую Долину».

Ладно, это потом, пока — в душ.

Понемногу солнечный день заканчивался. Андрей помылся, оделся, зашел в гости к своим друзьям с первого курса. Он хотел послушать своего друга скрипача, он здорово играл Моцарта и Вивальди, но его не было, его два соседа поболтать были не готовы, их обуяла типичная для

первокурсников жажда учебы, которая, по их надеждам, со временем могла вылиться в новые чудесные открытия. Андрей не стал раньше времени развеивать их надежды, хотя, чем черт не шутит, может и вправду чего-то откроют.

Андрей оставил в покое своих друзей и пошел к другим знакомым, постарше, с третьего курса как и он сам.

Там все было как надо: Тима, Игорь и Колян были дома, к ним присоединился москвич Алеша. Он не жил в общежитии, но сегодня остался; во первых завтра Первое Апреля, а этот день стоит начинать как можно раньше, что бы первым увидеть чего учудили студенты, а то и самому в каких-то приколах поучаствовать. А во-вторых дискотека — тоже достойная вещь. Впятером они распили бутылку вина, потеплело, повеселело, кто-то даже хотел забраться под кровать и извлечь на свет божий бутылку водки, но с этим решено было повременить до более лучших времен. То есть до ночи.

Понемногу наступило восемь часов, и вся компания дружно выдвинулась вниз, к одноэтажной пристройке с кафе и залом для танцев. Честно отдали рубль, вошли. Саша был уже здесь, о чем-то разговаривал с незнакомой девушкой. Андрей испытал неприятное чувство, подумал: «без мыла он куда хочешь пролезет..». Но тут Сашка заметил

Андрея и радостно двинул к нему, и, перекрывая шум и музыку, заорал:

— Привет, чего-то вы поздно, мы тут уже полчаса торчим, скоро всех разберут.

— Не разберут, — ответил Андрей, — ты, вон, нашел уже что-то.

— А-а-а, — махнул Саша рукой, — ерунда, кислые они какие-то, не ведутся.

Андрей взглянул на Сашу, понимая, почему не ведутся. Нелепые брюки с коленками, грязные, прилизанные волосы, чуть полноватый. Нет, Саша не был грязным или вонючим, но казался всегда неопрятным, и было неясно, как его избавить от этого. Если с ним тусоваться и девок цеплять, думал Андрей, так и мне ничего не выгорит.

Музыка стихла, начался медляк. Андрей отошел к стене и стал осматриваться, Саша пошел искать счастья у своей недавней собеседницы. Но не нашел, пошел к следующей, вышло успешней. Он стал танцевать с ней, о чем-то болтая. Девушка отвечала лениво и нехотя, продолжения не следовало и Андрей отвернулся. Народу было не много и ни мало, в основном парни, а почти все барышни с ухажерами или в группе с парнями. В углу напротив стояла Таня, девушка, которую он видел на факультативе по мифологии. Андрей с ней не был знаком лично, но она произвела на него хорошее впечатление. Мало болтала, улыбалась.

Андрей подошел к ней и пригласил на танец. Таня переспросила:

— Что? Я не расслышала?

— Потанцуем? — но она похоже вновь не услышала, — я говорю, пошли, потанцуем, — сказал он, наклонившись к ней ближе.

Она что-то ответила, скорее всего «Ага». Музыка не была громкой, но после прошлой песни уши были заложены у всех. Андрей обнял её, стали танцевать достаточно близко друг от друга.

— Я видел тебя на лекции по Мифологии. У вас что, на втором курсе тоже обязательное посещение каких-нибудь факультативов на выбор. У меня в прошлом году вроде такого не было.

— Нет, просто мне очень нравится мифология. А еще больше оккультизм, магия, мистика. Наш препод не только мифологию преподает, на самом деле это очень известный знаток в разных мистических штуках. Йогой увлекался, с Мартыновым вроде дружил. Знаешь такого?

— Нет, а кто это... Интересное что-то?

— Ты не читал его «Исповедимый путь»? Если хочешь, я тебе дам, у меня в комнате есть.

Андрей даже не подумал о хорошем предлоге выйти из зала в комнаты. Вообще есть три Рубикона, которые должны перейти студенты на пути к заветной цели. На дворе девяностый год,

десять лет до конца века а то и света, но уломать девушку на *это* самое все еще не просто. Почти как в застойные годы. Первый шаг это танец. Пригласить на танец и пообщаться с девушкой так, что бы и после танца ей хотелось с тобою общаться. И не всегда это просто, несмотря на грубоватые шутки местного поручика Ржевского, Илюши с второй группы, что мол если пришла на дискач, значит хочет. Возможно, он прав, ему в этом смысле очень везло. Но для Андрея это было преградой.

Второй Рубикон — это увести девушку с танцев к себе в комнату (или к ней в комнату, это по обстоятельствам.) Тут много рецептов, один другого не лучше. Первый — бутылка вина. Второй, отдохнем, третий — покурить сигареты с кофе, если барышня курит. Андрей пользовался трюком с вином.

Ну, а третий — понятно что. Тут обычно без слов, с поцелуя, в нужный момент.

Сейчас же Андрей с Таней говорили о Мартынове, о всякой мистике, Таня рассказывала разные случаи из своего прошлого, весьма необычные, Андрей даже в какой-то момент ей не верил. Зашла речь и о Кастанеде, этого автора Андрей слышал, его знакомый как-то читал, восторгаясь, самиздатовские распечатки. Насколько он помнил, там было что-то о наркотиках, и о

мистическом опыте при их употреблении. Андрей стал рассказывать Тане, как один раз покурил анаши. Потом испугался, вдруг Таня посчитает его наркоманом. Но нет, оказалось, она тоже курила однажды, но ей не понравилось.

Музыка закончилась, диск-жокей стал орать что-то и поставил Ассерт. Только лишь что б уйти от шума и спокойно поговорить, Андрей предложил выйти на улицу. Они вышли и он закурил. Предложил девушке, но Таня отказалась, она не курила.

— Кстати, наш препод пригласил одного специалиста откуда-то с Южной Америки. Он завтра должен нам прочитать что-то о Магии Южной Америки. Инки, Майя...

— Инки кажется в Северной Америке?

— Разве?

— Вообще-то не знаю, — ответила Таня и засмеялась. Немного они помолчали.

Наконец Андрей вспомнил все свои обычные цели на дискотеку. Ему стало немного смешно, вот он стоит, общается с девушкой, а мысли в нужное русло у него не идут.

— Что смотришь? — спросила Таня, заметив его взгляд.

— Да так, немного смешно, знаешь зачем обычно тут с девушками знакомятся. А я и забыл...

Таня снова посмеялась, потом сказала:

— Ну и правильно. Я этим так сразу не занимаюсь. Должно время пройти. Кстати, Андрей, ты будешь завтра на Мифологии? Я тебя уже две недели не видела.

— Ты меня запомнила? — удивился Андрей.

Таня опять засмеялась. Сказала:

— Ничего не подумай, просто у меня феноменальная память.

— Правда?

— Правда.

Таня оказалась общительной девушкой, но не болтливой, говорила по делу и показалась Андрею достаточно умной. Он удивился этому, потом вспомнил, что она же физтешка, сюда дуры не попадают. А эта не только умна, но и внешне ничего. Не красавица, но симпатичная, милая.

Они бы так и болтали, и, возможно поднялись бы к ней просто попить чаю, без всяких задних мыслей, но этому было не суждено случиться. Как раз этой весной была активная фаза войны с местными гопниками.

Обычно война эта еле теплилась. Раз или два за месяц группка подвыпившей Долгопы, как их называли студенты, заваливали на одну из студенческих дискотек. Иногда их оставляли без внимания, и, если они не буянили и быстро уходили, все так и заканчивалось. Чаще «местные» начинали грубо домогаться к девушкам, тогда их

вежливо просили уйти, выводили на улицу, но обычно драк не было. Иногда один — два тычка. Но в конце зимы на такой дискотеке одному из студентов сломали нос. И, надо же такому случиться, обидчиков нашли и серьезно отделали. После этого было затишье, но вот разразилась буря.

За спиной у Тани Андрей увидел суровую толпу, которая молча шла в их сторону. Никто ни о чем среди Долгопы не говорил, даже не харкались. Кажется, в их руках что-то было. Андрей действовал быстро. Заорал: «Долгопа» в открытую дверь дискотеки, взял Таню за руку выше локтя и потянул к двери своей общаги. Ему было страшно, хотелось уйти вместе с ней в свою комнату, но позволить себе струсить он не мог. Вошли в холл общежития. Если Андрей думал, что он первый увидел врагов, он ошибался. На встречу ему уже сбегало по лестнице несколько парней. Один спросил Андрея:

— Они уже там?

— Там.

Андрей сказал Тане:

— Поднимись в комнату 703/1 и позови всех кто там сюда. Скажи — много Долгопы, побоище будет. И пусть еще позовут, а сама подожди меня в комнате.

— Где эта комната?.

— Поднимись на второй этаж, перейди по холлу на соседнюю лестницу, и на седьмой этаж. Там найдешь.

— Долго-о-опа! — это орал в холле один из студентов.

— А лифт работает? — спросила Таня.

Андрей стал отвечать, но вдруг понял, что она просто задерживает его, защищая. Он улыбнулся ей, сказал:

— Иди.

Он повернулся к холлу и пошел ко входной двери. Шел он медленно, сзади слышал топот ног, кто-то мчался. Оказалось еще три старшекурсника спешили на стычку. Они обогнали его, и Андрей пристроился за ними. Но тут входная дверь открылась, и в помещение вбежало около пяти гопников.

Андрей посмотрел на них, и тут с ним что-то случилось. Внутри у него щелкнуло, он не успел еще испугаться, как заметил в своих мыслях странную трезвость и решимость. Он испытывал какое-то новое состояние, и оно помогло ему мгновенно оценить ситуацию, перевес на стороне «врага», и он принял решение. Он заорал:

— Вперёд! — и помчался на гопников.

Он успел заметить, что старшекуры рванули за ним и ... получил сильный удар в лоб, немного повыше левой брови. Сознание его еще раз

перевернулось, картинка холла уехала вверх и он оказался на полу. Сознание он не потерял, но встать не мог. Он видел, что студенты смяли группу долгопы, раздавая умело удары направо и налево. Ребята любили помахатьсья, особенно по субботам, нажравшись водки. Конечно, Долгопа быстро очухалась, но новые студенты сбегали по лестницам и скоро всех отморозков вытеснили на улицу.

Андрей наконец поднялся и медленно, быстрее не мог, вышел на улицу.

Бой прекратился. Конечно, слышались маты, стоны, переполнялись злобою лица, но уже двое стояли друг напротив друга и общались, вожак нападавших, и импровизированный лидер от студентов. В ход пошли доводы, маты, убеждения, зацепились за базар, пошел разбор полетов, кто первый начал и когда, но видно было, что бойня утихла. Студентов было уже намного больше, и Долгопе было пора сваливать. Но так просто уходить не хотелось, священную правду отстоять напоследок было надо.

К Андрею подошел Саша. Андрей осмотрел его, но синяков и царапин на нем в темноте видно не было. Саша зашептал:

— Видишь вон мужик... Я видел, как на него трое метнулись. Он с ними что-то сделал, что они за пару секунд разлетелись. Одному, во-о-он тому,

руку вроде сломал. Может это тренер какой-то, по айкидо?

Андрей взглянул вдоль стены и увидел метрах в десяти, отдельно от всех, стоящего Хуана. Хуан его не видел, он просто стоял и с небольшим интересом рассматривал все вокруг. Андрей укрылся от его взгляда за спинами студентов.

Происшествие подходило к концу. Медленно, по-прежнему с матами и злыми лицами, Долгопа удалилась. Студенты стали расходиться. Андрей зашел в холл и стоял, потирая шишку на лбу. К нему подошел один из старшекуров.

— Пошли, приложишь холодный компресс к глазу, а то на утро заплывет и будешь две недели с синяком ходить... Ну ты как, нормально?

Андрея немного шатало, он скривился от боли, затем сказал.

— Мне надо к себе, там подруга сидит одна.

— Я её позову, где ты живешь?

Андрей ответил, и парень поймал какого-то своего знакомого и послал в 703/1.

Вскоре толпа человек в пятнадцать сидело в холле второго этажа. Кто-то вытащил несколько столов, принесли водку, вино, закусь. Андрея усадили на удобный стул, рядом была Таня, прикладывала мокрый платок ко его лбу, как боксеру на ринге. Обсуждали победу, славный бой, все стали пьяными. Веселая ночь понеслась...

Глава 2

Первого апреля на Физтехе следует просыпаться пораньше. Не то попадешь в такое же положение как Андрей. Саша ворвался к нему, и с порога стал рассказывать о шутках, сотворенным в этот раз студентами. Даже не посмотрел, проснулся ли Андрей.

Тяжелая ночь раз в год выпадала местной милиции. Как ни крутись возле станции «Новодачная», как ни рыскай на дорожке в студгородок, а утром на платформе все та же вечная первоапрельская надпись — «Водочная». Так и быть ей «Водочной» пару недель, пока бюрократы не отдадут четкие распоряжение местным Петровичам, а те не удосужатся вернуть все как было. Изредка, соседняя «Долгопрудная» превращалась в «Долгогрудная», но это не тот шик. Эх, доблестные правоохранительные, и сегодня не уследили. Да и кто всю ночь будет следить. А студент, он, собака, не спит, и он не один, их в первоапрельскую ночь легион. Пару раз деканат собирал добровольцев, что бы пресечь эту гадость, но по слухам, в те разы именно добровольцы все и сделали.

Еще каждый год лужи в студгородке и возле учебных корпусов зеленели. Андрей не знал, откуда пошла традиция, и что за краску использовали, но

смотреть было приятно. Эдакое масштабное изменение части города. Размах.

Со стороны железной дороги в этот раз виднелась на «восьмерке», общаге номер 8, гордая надпись: «Все в кайф в струю и в жилу». Дела рук то ли альпинистов, то ли спелеологов. Эти спускались на веревках с крыши и творили свое непотребство. Например год назад они закрасили густо черной краской окно каких-то знакомых. Просыпаются в той комнате студенты, а на улице еще темно. Надо спать, значит. А спать студенту всегда хочется, это он умеет, так что спит дальше. Просыпается — снова темно, снова спать. Наконец бедняги спать не могут. Смотрят на часы — они пять показывают. Думают, что пять утра, снова пытаются спать, не могут, выползают к восьми, а там толпа смехом встречает.

Более всего в этот раз отличились ФОПФы.⁴ На их общежитии трудолюбивые умельцы соорудили огромную шестиконечную звезду, метра три в диаметре, — звезду из лампочек. Потом несколько месяцев пассажиры пригородных электричек, не говоря обо всем студгородке, могли созерцать светящуюся и мигающую еврейскую символику.

⁴ Факультет Общей и Прикладной Физики

Были шутки помельче. В двух туалетах входные сплошные двери заменили на дверь со стеклом. Заходит студент, спускает штаны, взбирается по-большому на унитаз, делает свое дело, а затем смотрит направо на дверь ... Весело, в общем. В лифте поставили посередине унитаз, и совсем непонятно зачем прикрутили дверную ручку к полу в холле у выхода на улицу.

Все это и вывалил Сашка на просыпающегося с легким похмельем и припухшим глазом Андрея. Правда досадовал, что весна в этом году больно теплая, кучи снега сошли и не смогли воткнуть кресты в сугробы на футбольном поле.

Андрей уже совсем проснулся, с привычным страхом поглядел на часы — вечно куда-то опаздывал — и стал собираться.

— Ты что, в колледж собрался? — спросил Саша.

— Нет в столовку.

— А в колледж пойдешь?

— На мифологию разве.

— Я с тобой, тоже чего-то жрать хочу.

— Ну что, снял кого-то вчера? — спросил Андрей.

— Нет, какие бабы, когда такая заварушка. А ты, я видел, подцепил?

Андрей почему-то смутился.

— Настроения не было. Мы просто общались. К тому же это была физтешка.

— А-а-а, — ответил Саша, — из Института Культуры всех разобрали?

— Типа того.

Сегодня день был солнечный, правда, кое-где на небе появились тучки, и стало прохладней, из-за ветра.

К трем часам Андрей вошел в большую классную комнату в Главном корпусе. Там уже собралось около тридцати человек, ждали начала занятия. Среди присутствующих Андрей заметил Таню и прошел к ней.

— Привет, — сказал Андрей.

Таня улыбнулась, кивнула на синяк:

— Привет. Ты как?

— Нормально. Скоро заживёт. У победителей раны не болят.

Саша присел около Андрея, взглянул на Таню. Андрей представил их друг другу.

— Что рассказывали на прошлых занятиях? — спросил Андрей.

— Греки, римляне и египтяне. Миронич сравнивал мифы и указывал на общее происхождение египетских и греческих Богов и героев. По его теории, точнее не его, а кого-то из его знакомых, был какой-то утерянный источник, откуда и дошли мифы сразу в два места.

— Атлантида?

— Нет, его спрашивали, но он рассердился, и закатил нам минут на двадцать лекцию, опровергающую существование Атлантиды.

— Тогда откуда?

— Он говорил о Сирии, и о Шумерах до этого...

Но тут их разговор прервался. В класс вошел Валерий Павлович Миронов и еще один мужчина. Андрей удивился, вошедший был вчерашний знакомый, назвавшийся Хуаном.

Миронов поздоровался, класс ответил, лекции были факультативными, а значит, добровольными. Потому взаимоотношения были менее формальными, чем на лекциях, скажем, по физике.

— Уважаемый студенты, я хочу представить вам моего давнего друга, профессора Университета Южной Калифорнии, Хуана Мартинез. Сегодня я не буду ничего вам рассказывать, сегодня у нас тема — оккультные науки или Магия, как назвал тему мой американский друг. Именно этой темой там, у себя, он занимается.

Наконец Миронов сел в первом ряду, и Хуан остался один на один с аудиторией. Он стоял, опершись на преподавательский стол. Некоторое время он молча осматривал аудиторию, задерживался взглядом на некоторых студентах, в том числе и Андрее.

— Добрый день, уважаемые студенты. Меня зовут Хуан Хозе Мартинес, вы можете обращаться ко мне по имени — Хуан. Живу и работаю в Соединенных штатах, но родом я из Аргентины. Я очень рад быть здесь, сегодня, рад, что имею честь рассказать вам о вещах, интересующих меня и пригласить вас сегодня поставить опыт, запланированный мною уже много лет назад. Можно сказать так, у меня не было подходящей аудитории, для того, что я задумал. Не было нужных людей. Ну что же, если Америка не дала мне нужных людей, они найдутся в Советском Союзе. — Андрею показалось, что Хуан считал сказанное шуткой. — Только не думайте, пожалуйста, что я коммунист. Я совсем наоборот, я за монархию.

— Я слышал, что у вас на родине оккультные науки долгое время были в опале. Все, что вы знали о них — это Вольф Мессинг, немного о гипнозе, аутотренинг. Также мне рассказал коллега о ходящих по рукам журналах, которые вы называете «Самиздат». Валерий Павлович рассказал мне, что многие из вас читали таких авторов как Папюс, Рерихи, Блаватская. Также книги антропософа Рудольфа Штайнера. Слышал я, что мой коллега, Карлос Кастанеда, пользуется в стране Советов огромной популярностью, расходясь «Самиздатом». Я рад этому. Но, боюсь, что для

многих из вас такие понятия как оккультизм и магия мало знакомы. Ну что же, у меня есть сорок пять минут, что бы рассказать вам об этом. А вторую половину занятий мы потратим на заклинание. Мы пойдем в лес и кое-что сделаем.

Андрей стал разглядывать внимательно Хуана. Одет он был в тот же костюм, казавшийся Андрею нелепым. Желтый пиджак, казавшийся грязным, светло бежевая, почти белая рубашка, с кремовыми пуговицами. Из-за пуговиц и маленьких лейбочек она казалась шикарной. Светло коричневые туфли, со множеством дырочек, явно иностранного производства. Кожа Хуана была очень смуглая, но в тоже время он не был похож на латиноамериканца. Вообще, внешность Хуана была с одной стороны очень простой, но с другой его трудно было отнести к какому-то конкретному типу. Андрей рассматривал его, и испытывал очень странные чувства. Он как будто опасался чего-то, но в то же время его страхи были вызваны не самим Хуаном. Чем вызваны Андрей не понимал. Он не очень разбирался в своих теперешних ощущениях, и просто отбросил их. Не такие уж и сильные чувства, чтобы озаботиться ими.

Хуан продолжал:

— Есть очень точное отличие оккультных и естественных наук. Физика, Химия имеет дело с материей. О ней все известно, она падает вниз,

бьется током, отражает свет. Вы можете её потрогать, произвести над ней опыт, обложить её всю приборами и тому подобные вещи. Окультизм занимается совсем другими вещами. Помните Гессе, Игру в бисер? Эпиграфом к ней служила одна замечательная фраза, поразившая меня много лет назад. Насчет того, что есть вещи, невидимые, неизмеримые, которые невозможно потрогать. И которые составляют саму суть вещей, саму важность, и без которого все прочее теряет смысл и становится глупой забавой. Я всегда искал эту странную вещь, в существовании которой невозможно убедиться, здесь, на Земле. Все прочие поиски оказались для меня неинтересными.

— Магия имеет дело с тем, что не является материей. Определение этому можно дать такое: то, что вы никогда не обнаружите с помощью материи. Дух.

Конечно, вы можете прицепить два электрода к мозгу, заставить человека думать определенную мысль, и замечать изменение показаний приборов. Возможно, многие из вас скажут — О! Мы поймали мысль! — но все что вы измерите — лишь реакция мозга на мысль.

Если вы пойдете на спиритический сеанс вы можете почувствовать колебания стола. Боюсь, что кто-то, пусть неосознанно, толкает его. Вы можете пойти к экстрасенсу, к гадалке, возможно, вам

что-то предскажут, возможно, у вас пожелтели белки, и наблюдательный знахарь скажет вам о больной печени. Да, совсем забыл, вы могли бы поехать со мной, и в Аризоне поискать наших любимых Яки, возможно, вы найдете какого-то старика, брухо, спросите его о нагвале... Он вам расскажет, но попросит вперед огненной воды. Со мной такое бывало. Карлосу просто повезло, а может он просто устал искать и дал волю фантазии. Вы можете попробовать наркотики, и, возможно, вы увидите чудесные миры, но их реальность слишком спорна. Но вы забываете об одном.

У вас у всех есть замечательная вещь. Если хотите, вы можете назвать её измерительным прибором. Как физики, вы верите в измерительные приборы, они не лгут. Вы смотрите на стрелки и цифры, и знаете многое о вещах. Но, так же, вы можете знать о том, что не измеримо материей. И ваш прибор, та замечательная вещь, о которой я говорил — это ваш разум, или, если сказать точнее, ваш дух. Ваша мысль. Вот вы думаете что-то, но кто измерит вам эту мысль? Как вы можете доказать себе что вы думали вашу мысль? Или точнее, кто измерит для вас то, что вы есть? Есть ли вы?

Разум, дух, сознание и есть предмет оккультизма и магии. А вы и есть тот измерительный прибор, которым исследуют все эти

штуки. Я изучил огромное множество книг. У меня всегда была весьма прагматичная цель, мне нужны были доказательства. Нет, я не сомневаюсь в разумности такого подхода к жизни как оккультные науки или Магия. Но мне, для сугубо прагматических целей, нужна была реальная, работающая магия. Мне были нужны чудеса. Здесь я должен вам сказать кое-что печальное — я не нашел никаких чудес и никаких признаков Магии в этом мире.

Хуан прервался и оглядел класс. Андрей как раз пытался въехать в его речь. Пару минут назад профессор вроде говорил о своей вере в мистику, а тут вдруг заявил, что он никогда ничего не видел. Хуан закончил осматривать всех и уставился прямо на Андрея. Тому стало не по себе, он и без того испытывал чувство, что лектор читает все это только для него одного. Но, впрочем, так ему казалось почти всегда и на любой лекции. Даже у тоскливо бубнящего Капицы.

— В этом мире не работает ни одно заклинание. Здесь нет энергии для этого, такое ощущение что всю энергию давно высосали, и все это, — Хуан развел руки в сторону, кажется, указывая на окружение. — все это вокруг высохло. Но есть высшие заклинания, выше власти отдельного материального мира. И, слава Богам, я

знаю одно. После перерыва мы с вами отправимся в лес и прочитаем это заклинание. И тогда вы все сможете колдовать, и, я считаю, мир изменится к лучшему.

Для Андрея все это походило на какую-то не слишком удачную первоапрельскую шутку. А может, Хуан просто чокнутый. «Да, точно, — подумал Андрей, — он чокнутый».

— Вы многое забыли из прошлого, — продолжал тем временем Хуан. — Но именно в мифах, в том, что вы называете фантазией, скрывается истина. Боги, Герои, Добро, Зло. Интриги между Богами. Даже Христианство с его маниакально-депрессивным психозом. Слава Богу, вы все атеисты, это мило, и я могу у вас шутить о Христианстве. Знаете, в США вы не можете позволить себе такую роскошь, о религии шутить — ни-ни, нельзя. Редко кому позволено, например Кингу Стивену позволено, да и то, ему все время приходится рассказывать, какой замечательный он католик.

— Ну что же, конкретные точные знания об оккультизме вы можете почерпнуть в книгах. Я уверен, скоро у вас их будет полным-полно. Перестройка и Гласность, — Профессор Хуан Гонсало сказал это с потешным американским акцентом, — сделают свое дело. Скоро полки ваших магазинов будут ломиться от книг по